

Вместо предисловия

Елена Этуш, вдова Владимира Этуша

Когда не стало Владимира Абрамовича, многие друзья мои, как реальные, так и виртуальные, стали наперебой мне советовать: «Напиши книгу. Ты отвлечешься от тяжелых мыслей, и тебе будет хоть немного легче». Я поначалу категорически отказывалась: все книги подобного рода, на мой взгляд, не о человеке, о котором пишут, а о себе любимом. Но спустя время, когда я снова и снова возвращалась к этой мысли, пришло понимание: это должна быть книга воспоминаний, но не только и не столько моих, а тех людей, которые были рядом с Владимиром Абрамовичем всю его долгую и насыщенную событиями жизнь. Так родилась книга «Наш Этуш», которая была сделана благодаря поддержке родного Театра Вахтангова, которому Владимир Абрамович отдал всю свою жизнь. Книга вышла, она удалась. Казалось бы, на этом и все. Но приближалось столетие Владимира Абрамовича. А сто лет — это, как говорится, не кот чихнул. И я подумала: чтобы рассказать о такой глыбе, как Этуш, не то что одной — сотни книг мало. На сотню меня, конечно, не хватит, но хотя бы еще одну я написать просто обязана.

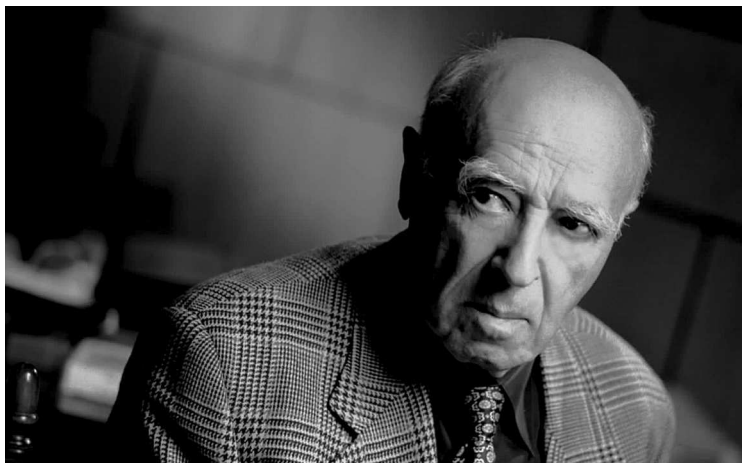
Я поняла, что нужно собрать по крупицам из разных источников его размышления о своей жизни, войне, теа-

тре, кино — в общем, то, что не было издано. Ведь много материалов еще не увидело свет. Кроме того, после издания книги «Наш Этуш» оказалось, что у многих из его коллег и учеников тоже есть своя история, связанная с Этушем и не вошедшая в первую книгу. А началу идеи новой книги положил Константин Райкин. Он не успел написать свою историю к выходу первой книги. Таким образом, именно его рассказ и стал краеугольным камнем нашего повествования. И до сих пор не была полностью опубликована фронтовая книжка Владимира Абрамовича. А это очень важный документ — маленькая частица из рассказов фронтовиков о Великой Отечественной войне.

Во время работы над книгой случилось чудо — по-другому и не назовешь. В одном из ящиков книжного шкафа мне среди бумаг попала папка с дневниками и записками Владимира Абрамовича. Как будто лежала и ждала своего часа. В этой папке также нашлись письма его боевого командира, болгарина Янко Митева. Среди писем была и фотография Митева, сделанная уже после войны. А еще в этой чудесной папке оказалось письмо его боевого товарища, в котором описаны бои за Аксайскую переправу. А ведь до сих пор у нас было только письмо Дины Гурвич. Таким образом, мы собрали то, что еще не было издано, и представили это на суд читателя.

Фотография, которую вы, дорогой читатель, видите на обложке нашей книги, тоже попала сюда не простым, а чудесным путем. Первый канал перед столетним юбилеем Владимира Абрамовича начал готовить документальный фильм. И первая съемка фильма должна была состояться в Театральном институте имени Бориса Щукина, которому, как и Театру Вахтангова, Владимир Абрамович отдал всю свою жизнь. И вот по дороге в институт оператор съемоч-

ной группы Дмитрий Кувшинов вдруг вспомнил, что еще в 2000 году снимал Владимира Абрамовича там же и сделал прекрасную фотографию. Но обещания отдать эту фотографию Владимиру Абрамовичу он тогда не сдержал. И вот спустя 22 года он обещание выполнил. Владимир Абрамович получил свою фотографию. На обложку.

**Бастрыкин Александр Иванович, председатель
Следственного комитета Российской Федерации,
генерал юстиции Российской Федерации**

Уважаемые друзья!

Исполнился вековой юбилей Владимиру Абрамовичу
Этушу!

Книга, которую Вы держите в руках, позволяет нам еще раз вспомнить Владимира Абрамовича, его жизнь, судьбу, роли. Он по праву принадлежит к плеяде всенародно любимых и почитаемых актеров, которыми гордится Россия.

Через фронтовые дороги, через всю свою жизнь он пронес веру в высокие идеалы патриотизма, мужества, верности долгу, при этом сохранив в себе поразительную нравственную чистоту и большую любовь к жизни, театру, своим многочисленным ученикам.

У него была долгая и трудная жизнь. Боевой офицер, участник Великой Отечественной войны, защитник Кавказа, получивший тяжелое ранение. Он раскрыл свой талант на сцене Театра имени Вахтангова, которому был предан до конца жизни. Человек большого внутреннего достоинства и такой же большой скромности.

Я очень рад, что знал его лично и что последние годы жизни Владимира Абрамовича были связаны со Следственным комитетом Российской Федерации. Он вошел в наш Общественный совет и, несмотря на почтенный возраст, состоял в нем не формально, а всегда в готовности приехать, выступить перед сотрудниками, дать спектакль.

Его имя теперь неразрывно связано с историей Следственного комитета. Спасибо ему за прекрасные минуты, которые мы пережили, встречаясь с ним.

Теперь это уже история. И я рад, что наши сотрудники, кадеты, студенты имели возможность познакомиться с творчеством народного артиста СССР Владимира Абрамовича Этуша — великого актера, гражданина и человека.

Книга, изданная к его столетнему юбилею, лишь малая дань памяти Владимиру Абрамовичу. Его жизнь и принципы, которыми он руководствовался, должны стать ориентиром для сегодняшних следователей Следственного Комитета Российской Федерации, для всей нашей молодежи.

Автобиография

Я, Этуш Владимир Абрамович, родился 6 мая 1923 года в Москве в семье служащих. В 1940 году окончил среднюю школу-десятилетку и в том же году поступил в Училище имени Щукина, где учился, сотрудничая в Театре имени Вахтангова до 1941 года (до начала войны).

В июле 1941 года вместе с молодежью училища и театра уехал на сооружение оборонительных рубежей в Смоленскую область, где проработал землекопом до сентября.

В октябре 1941 года, возвратившись в Москву, я вступил добровольцем в Советскую армию. После пятимесячного обучения на курсах переводчиков при институте иностранных языков Советской армии я был направлен на фронт переводчиком.

Был в действующей армии на Четвертом Украинском фронте сначала переводчиком, затем помощником начальника штаба стрелкового полка.

В октябре 1943 года был тяжело ранен, и в 1944 году демобилизован из армии как инвалид Отечественной войны, и после очередного переосвидетельствования снят с военного учета.

За время службы в армии был награжден Орденом Красной звезды и медалями.

В 1943 году в армии я вступил в кандидаты в члены КПСС, а в 1946 году стал членом КПСС.

Демобилизовавшись, я продолжал свое образование в училище, а в 1945 году окончил его и был принят в театр, где работаю по настоящее время. Работу в театре я совмещаю с преподавательской работой в училище.

Я под судом и следствием не был, на оккупированной территории не проживал, в плену и окружении также не был.

Я женат, имею дочь восьми месяцев. Мать моя умерла в 1954 году. Отец мой жив, работает коммерческим директором фабрики.

Мой отец в 1932 году был арестован по доносу, что якобы у него есть золото. Золота у него не оказалось, тем не менее он получил срок 3 года, который и отбыл. В 1937 году он снова был арестован и сослан без предъявления обвинения. В 1939 году был досрочно освобожден за прекращением дела. С тех пор живет и работает в Москве. Избирательных прав не лишался.

10.05.1956 года

Детство и юность

Первый раз я появился на свет 6 мая 1922 года. А второй раз — год спустя, но опять 6 мая. В чем тут подвох?

Мои родители убавили мне год и справили новые документы. В то время, когда я родился, было принято делать мальчиков младше как минимум на год, чтобы к армии ребенок пошел и окреп. Так поступили и мои родители. Я родился в 1922 году, а в документах мне записали 1923-й.

Потом, когда я захотел вернуть себе «правильный» год рождения, оказалось, что мои старые документы утеряны. Вот и получается, что свои юбилеи я отмечаю дважды — по «старому» и по «новому» стилю. Но официальные торжества и приуроченные к ним премьеры спектаклей все же по дате рождения, записанной в паспорте.

Но мысли под стук колес неспешного поезда моей памяти сами возвращают меня в детство.

Я очень хорошо помню наш шумный двор: в большинстве своем он был населен мелким служивым и рабочим людом, где наша семья выделялась, прежде всего, по национальному признаку.

Обычные работяги — простые, пьющие — жили рядом со мной, бок о бок — сами понимаете, что я мог, подросток, видеть и слышать, и мальчишки — почти мои одногодки — были такие, что некоторые даже не хотели учиться. До сих пор помню Гришу Хаимова, был еще Коля, которого называ-

ли Колюшка-бутуз, хорошо помню драчливых братьев Лебедевых. Одного из них все называли Бычок. Однажды я тоже рискнул его так назвать и схлопотал за это «леща». Так или иначе, люди, окружавшие меня, были разные — и доброжелательные, и ненавидящие, и равнодушные. Любили мы душевные беседы вести, сидя на скамейке под двумя липами — а над ней была протянута веревка для сушки белья. И когда белья не было, можно было посидеть, побеседовать с кем-нибудь интересным, разговорчивым. И был у нас там такой дядя Миша Поляков, работал банщиком и очень любил «покалякать» о том о сем... Своим глубокомыслием и нелепейшими высказываниями невпопад он напоминал некоторых персонажей юмористических рассказов Чехова. Собирал дядя Миша нас, мальчишек, на этой скамейке и начинал разговоры разговаривать. Нравился ему сам процесс — поучать, открывать истину. Евреев дядя Миша, мягко говоря, недолюбливал и всегда нам рассказывал про них всякие нелестные истории. Я его как-то поддел, говорю:

— Эйнштейн же тоже еврей, а теорию относительности вот изобрел!

Моя реплика дядю Мишу ничуть не смутила, и он со всей невозмутимостью мне парировал:

— Эйнштейн в Америку уехал, значит, он американец! А евреи что могут изобрести — гуталин разве...

Мне очень было обидно за евреев, и я уходил, огорченный тем, что, по словам дяди Миши, они, кроме гуталина, ничего изобрести не могут. И вообще, кстати сказать, слово «жид» у нас во дворе ругательным не считалось. Употребляли его все и в любых ситуациях. Это было нормой.

В детстве я и моя сестра Лида были окружены вниманием родителей. Мама занималась домом. Нашу семью обе-

спечивал отец, у которого была небольшая галантерейная мастерская. Когда отца арестовали, мама пошла работать кассиром. Потом отца выпустили и даже оплатили вынужденный простой в работе.

В детстве я мучил домашних своими рассказами и сажал их, чтобы они смотрели. Потом мне подарили какую-то лошадь, довольно большую и с настоящей шкурой. И я ее ставил, потом брал стул, переворачивал, брал другой стул, тоже переворачивал, потом садился позади этой лошади, а за мной — бабушка и мама. Я был извозчиком, я все слышал, как надо гнать лошадь, издавал эти звуки. И вдруг бабушка меня поцеловала в макушку. Я страшно обиделся и огорчился: извозчиков ведь никто не целует. Вот это ощущение правды обстоятельств у меня с детства было. Такое актерское ощущение.

Папа все время жил в Белоруссии, потом приехал сюда перед войной 1914 года и привез сюда маму, которая жила в Украине и к тому времени окончила три курса медицинского института. Потом папу периодически сажали, и этот комплекс во мне тоже сидел. Я себя чувствовал все время сыном врага народа. У меня был такой случай, когда я отвечал по литературе тему — точку зрения Ленина на роман Гончарова «Обломов». Я был в 9 классе и спокойно сказал. Он спокойно меня дослушал. Педагог по литературе. Потом говорит: «Вот вы высказали точку зрения Бухарина, это был 1939 год, его только расстреляли». Я говорю: «Да?» Он говорит: «Да». Но со следующего урока меня вызвал директор — маленький человек в черном костюме, с такими болтающимися рукавами, с глазками-гвоздиками, глубоко сидящими, но пронзающими тебя насквозь, и начал спрашивать: «Кто ваши родители? А за что отец арестован?» Я говорю: «Я не знаю». «Как не знаете? Вы же живете в се-

мье». «Да, я живу в семье. Но я думаю, что даже сам папа не знает», — отвечаю я. А потом так и оказалось, потому что ему выплатили зарплату за 3 года, которые он сидел. Директор говорит: «Ну, что же мне делать? Звонить в НКВД?» И тянет руку к телефону. Многие молодые не понимают, как мы могли терпеть все то, что происходило. Почему был такой страх. Объяснить это невозможно. Но вот через такой пример хотя бы. Я думаю, что вся моя биография говорит о том, что я не трус. Я сам пошел на войну, сам в 90-е годы отказался от Ордена Дружбы народов, потому что к этому моменту дружбы никакой между народами не было. Публично, по телевизору отказался, и никто меня не преследовал за это. Ну, и так далее... Но здесь я струсил... Не за себя. Я в тот момент подумал о маме. Я подумал о том, что отец сидит и сейчас у нее сын будет сидеть. Я его начал просить: «Дяденька, не звоните, пожалуйста». Он не позвонил, но он меня пугал. Вот такая история.

Книги... У любого актера должно быть много книг. Они обогащают внутренний мир человека, очень. Литература вообще помогает нам понять себя и найти свое место в жизни, мире, найти себя. Понять, наконец, а что ты есть такое. Оценить все, что ты собой представляешь. Вернуть то, в чем твоя суть. Книги дарят мне меня. Разного. Когда ты не понимаешь что-то о себе — открываешь книгу на любимой странице и получаешь ответы на вопросы, которые тебя волнуют. Не все ответы...

В детстве я любил посидеть с книжкой и порою не замечал, как быстро проходило время. Читал я много и взахлеб. Почему-то начал с Чехова, очень увлекался рассказами Антоши Чехонте. А вот пьесы мне совсем не нравились, я их читал с неохотой. И до сих пор трудно читаю пьесы. Исключение составляет Александр Николаевич Островский.

У него настолько яркие, колоритные образы, что даже читать интересно, не то что смотреть.

Я прочел всего Пушкина, всего Лермонтова, учил наизусть «Мцыри», переживал вместе с героями «Войны и мира». В общем, перечитал практически всю русскую классику. Знал чуть ли не наизусть многих западных писателей. Очень увлекался Конан Дойлем. «Приключения Бригадира Этьена Жерара» перечитывал много раз. Помимо замечательного юмора и иронии, меня там привлекало и то, что действие происходит в 1812 году. У одного моего родственника была коллекция наполеоновских открыток: Наполеон в разных видах, эпизоды сражений, наполеоновские маршалы. В сочетании с произведениями литературы в моем воображении складывалась довольно понятная для меня картина наполеоновской эпохи.

Театр рос во мне исподволь. Сначала неосознанно, в раннем детстве, благодаря влиянию бабушки: она очень образно и колоритно рассказывала мне, еще маленькому, разные детские сказки и истории. А первые серьезные мысли о театре возникли у меня в 8 классе, когда я начал заниматься в школьной самодеятельности под руководством бывшего профессионального актера Театра Корша, Павла Тихоновича Свищева. Это был невысокий, коротко стриженный человек, с лучистыми светлыми глазами и пронзительным взглядом. Павел Тихонович был первым человеком, от которого я узнал о существовании некоторых актерских навыков.

Я очень привязался к нему и старался как можно больше понять о театре. Я являлся для него очень послушным исполнителем, которого можно было безбоязненно занимать среди взрослых исполнителей в спектаклях «профсоюзной самодеятельной сцены», где он подвизался в качестве по-